

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-247-257
УДК 821.56.09

Научная статья

Драматургия Н. Курилова в системе юкагирской литературы

Д.И. Фролкина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

Аннотация. В статье рассматриваются пьесы современного автора Н. Курилова, которые поднимают ряд проблем, характерных для юкагирской литературы. Малоизученность северной литературы, отсутствие полноценных исследований по материалам современных авторов подтверждают актуальность данной работы. Цель статьи – проанализировать особенности пьес Н. Курилова, определить их место в юкагирской драматургии и выявить литературные связи с произведениями других авторов-юкагиrow. В своих произведениях Н. Курилов продолжает традиции Г. Курилова, детского писателя и драматурга, а также Г. Дьячкова, пьесы которого освещали социально-бытовые и нравственные проблемы юкагиrow. Н. Курилов рассматривает эти проблемы под иным углом, что значительным образом проявляется в пространственно-временных характеристиках и отборе фольклорного материала. Кроме того, автор вводит ряд новых вопросов, ранее не звучавших в юкагирской драматургии, и особое место в произведениях занимают дети и детское воспитание. Драматург задумывается о причинах исчезновения народа, постепенной утрате языка, традиций и религиозных взглядов. Одной из особенностей авторского взгляда является мысль о том, что разрушение этноса происходит в том числе по вине самих юкагиrow, переставших беречь свою самобытность. Однако пьесы выражают не только горькое сожаление, но и светлую надежду на возрождение одной из самых древних сибирских культур.

Ключевые слова: юкагирская литература, литература коренных народов Севера, современная драма

Введение

Юкагирская литература представляет собой одну из малоизученных областей отечественного литературоведения, несмотря на то, что именно в недрах этого народа сформировались такие знаковые фигуры, как Тэки Одулок (Н. Спиридонов), С. Курилов и Улуро Адо (Г. Курилов), без сомнения, оказавшие глубочайшее влияние на литературу Крайнего Севера. Их романы, повести и стихотворения прочно вошли в копилку не только школьной национальной программы или советского чтения, но и мировой литературы, например, роман «Ханидо и Халерха» С. Курилова был переиздан на русском языке около де-

сяти раз, а повесть основоположника юкагирской литературы Тэки Одулока «Жизнь Имтеургина старшего» была переведена на английский, французский, чешский и белорусский языки еще при жизни писателя. Не остались в стороне и фольклорные тексты: отдельными изданиями в 2008 г. на английском и японском языках вышли сказки «Сестры-людоедки», «Сказочный старик», «Легенда о мамонте» и сборник «Юкагирские легенды».

Несмотря на то что юкагиры, как свидетельствуют ученые [1. С. 3], являются одним из самых древних народов Северо-Восточной Азии, обладавших изоцирковой наскальной письменностью, развитие художественной литературы началось лишь в 20–30-х гг. XX в. Большую роль в этом сыграла принятая в 1917 г. «Декларация прав народов России», утверждавшая равенство и ценность всех народов и этнических групп, населявших страну. После образования в 1924 г. якутской секции при Центральном издательстве народов СССР, главной задачей которого был выпуск книг на национальных языках, стало возможным развитие и юкагирской литературы. И уже в 1933 г. выходит первый художественный очерк «На Крайнем Севере» под авторством Тэки Одулока. Именно этот человек станет не только основоположником юкагирской литературы, но и первым жителем Крайнего Севера, получившим высшее образование. Пример Тэки Одулока послужит вдохновляющим толчком для других северных авторов, в том числе и якутских, и уже в 1960–1970-е гг. юкагирская литература переживает расцвет, связанный с именами братьев Семена Курилова и Улуро Адо (Гаврилы Курилова). Из-под их пера выходят первые романы на юкагирскую тематику, повести, рассказы, поэмы. Появляется также и первая детская пьеса «Наш друг Чага», изданная в 1984 г. Улуро Адо. Именно в 1980-е гг. развивается драматургия Геннадия Дьячкова, молодого юкагирского автора. Последним ярким и значимым писателем является Николай Курилов, посвятивший большую часть своего творчества детской и научной литературе. В 2007 г. вышел сборник его пьес «Олени на пальцах», который представляет особый интерес для современного литературоведения.

Стоит отметить, что изучением юкагирской художественной литературы занимаются преимущественно якутские исследователи: В. Огорокова, И. Николаева, Н. Гобуроков, Ю. Хазанкович и др. Однако пьесы Н. Курилова на данный момент не стали отдельным предметом для научного изучения.

Обсуждение

О Николае Курилове (родился в 1949 г.) северный читатель узнал в 1982 г. после выхода на якутском языке сборника стихов «Туундарам сири́н симэ́э» («Цветы тундры») для детей младшего школьного возраста. С тех пор автор издавал произведения для детей сразу на трех языках: юкагирском, якутском и русском. Хотя Н. Курилов ориентирует большую часть своего творчества на маленьких читателей, автор не остается в пределах одного жанра: он создает и стихи, и рассказы, и повести, и сказки. В 1993 г. выходит сборник «Фантастические рассказы», а в 1997 г. – путевые заметки «Хай!», появившиеся как результат поездки автора в США. В 2007 г. читатель знакомится с очередным жанровым экспериментом – сборником пьес «Олени на пальцах». Этот сборник не только демонстрирует многогранность литератур-

ного таланта Н. Курилова, но и вводит ряд новых тем, не свойственных ранее творчеству автора. Кроме того, драматург выбирает определенный круг проблем, который уже поднимался в юкагирских пьесах, именно поэтому представляется важным проследить развитие этих мотивов в драмах Н. Курилова.

Первая пьеса, или «сценка в пяти действиях» (авторское определение) – «Олени на пальцах». Уже в заглавие внесен собой особый национальный код: олень для северянина – это символ жизни, самое близкое кочевому человеку животное, ведь именно оно и мясо, и одежда, и транспорт. Отношения с оленями у арктических народов начались, по всей видимости, очень давно: самые древние наскальные изображения этих животных принадлежат еще эпохе раннего железного века [2. С. 16]. Ученый-исследователь А.Н. Алексеев не исключает, что группы оленеводческого населения могли обитать в районе Алдана уже в конце II – начале I тыс. до н. э. [3. С. 66]. С оленями связана также и первобытная охотничья магия этих народов, и мифы о животных-первопредках. О значении оленей в жизни юкагира точно выразился Тэки Одулок словами своего героя Имтеургина: «Без оленей жив не будешь. Птица прилетит и назад улетит, рыба на дно уйдет, а олень всегда с нами ходит, оленные мы люди» [4. С. 48]. Символично, что изданный в 2007 г. сборник другого юкагирского автора начинается именно с образа оленя.

Кроме того, название пьесы Н. Курилова содержит в себе еще один шифр: «олени на пальцах» – название древней детской забавы, игры, суть которой можно обозначить как театр теней, за исключением того, что герои изображаются пальцами, руками, а не марионетками. Мотив игры, своеобразной детской формы обучения – характерная черта юкагирской литературы, уже в одной из первых детских пьес – «Наш друг Чага» Улуру Адо – этот мотив присутствует. Николай Курилов – большой знаток национальных игр, его глубокая осведомленность позволила издать несколько научно-популярных пособий по этой теме, из которых особый интерес представляют книги «Традиционные игры и состязания юкагиров» и «Лексика спортивных игр юкагиров тундры». Игра у юкагиров (как и у многих древних народов) имела много функций, одна из которой носила этнопедагогический характер [5. С. 4]. Детям с самого раннего возраста прививали качества, необходимые охотнику и, возможно, будущему воину. Умение имитировать звуки природы, быть близким миру животных – все это в развлекательной форме воплощают в себе многие детские игры, в том числе и «олени на пальцах» [6. С. 12]. Пьесе открывает сцена, где современные дети-юкагиры соревнуются, у кого изобразить животных получается лучше. По ходу действия читатель узнает, что дети приехали домой на каникулы из интерната и тундра для многих из них – чуждое место, с которым их ничего не связывает, кроме родителей-оленеводов. Автор многократно подчеркивает это в речи героев, избыточной не только англо-американскими словечками, но и новыми, современными реалиями, так, детям больше по душе играть в компьютерные игры или смотреть боевики с Джеки Чаном, чем учить уроки или бродить по тундре. Встреча со Стариком, другом семьи, зашедшим в гости, усиливает конфликт оторванности молодого поколения от своей истории и культуры, которую воплощает в себе пожилой юкагир. Знаковым является диалог между Сеней, одним из мальчиков, и Стариком:

«Сеня: А это как... армистер... ну, руками... так (показывает) Вы играли?

Старик: У нас эта игра называлась скандарбеком. Не-ет, я слабый был» [7. С. 8]

Автор показывает горькую действительность молодого поколения Севера: еще не овладев в полной мере неродным, они уже потеряли связь со своим собственным. Сеня не может произнести правильно слово «армрестлинг», которое он имеет в виду, однако он даже не подозревает, что в его собственном языке уже давно есть обозначение этой игры, которая была хорошо знакома его народу. Тема исчезновения юкагирской культуры, растворение ее среди соседних – одна из ключевых тем юкагирской литературы. Об этом с горечью писали и С. Курилов, и Улуро Адо, и Г. Дьячков, продолжает эту тему Н. Курилов. Вопрос о сохранении своего языка, своего быта всегда стоял крайне остро для малочисленных народов Севера, не нашедших себя в мире современных цивилизаций. Ассимиляция соседним народом, утрата исконных ремесел, отдаление от родной истории – все это далеко не полный список проблем, с которыми столкнулись небольшие кочевые народы Арктики. Для юкагиров же это особенно актуально, ведь из общей численности в 1603 человека (данные 2010 г.) менее 100 владеют юкагирским языком, а считают его родным лишь 370 человек [8. С. 11]. Однако подобную проблему поднимал еще в конце XIX в. известный этнограф-северовед В.И. Иохельсон, говоря о юкагирах: «Это племя, дни которого сочтены. Через несколько десятков лет юкагирский язык может исчезнуть, а племя как таковое прекратит свое существование, отчасти вымерев, отчасти растворившись в других племенах» [9. С. 14]. После этих слов авторитетного этнографа прошло более ста двадцати лет, но юкагиры продолжают существовать и пользоваться (хотя и скудно) собственным языком. Такое положение дел не может не вселять надежду в будущее этого древнего народа, и именно этой надеждой дышат пьесы Н. Курилова. Несмотря на то что дети-школьники предпочитают английский язык своему родному и отчасти уже потеряли связь с кочевой культурой тундры, они продолжают играть в «олений на пальцах», все еще помнят старинные легенды, в них не угасли нравственные качества, столь ценные у юкагиров, – уважение к старшим и почтение к гостю. Так, Даша на протяжении всей пьесы подливает чай героям, угощает их оладьями, а когда Старик садится на «женское» место за столом, возле очага, не упрекает его, а наоборот, позволяет гостю согреться. Примечательно также, что в течение всего описываемого действия лишь один герой не участвует в общей беседе – Вася, самый младший из детей. Мальчик занят другим делом: он играет в «олений», пытаясь изобразить животных, которые раньше у него не получались. В конце пьесы ребенок радостно прерывает разговор героев, показывая, чему научился, и его изображение оленя вызывает всеобщее одобрение детей. Образ Васи важен для понимания этого произведения, ведь он становится неким символом юкагирского народа, который, несмотря на формальное участие в деле общемировых культур, все же выбирает свой собственный темп жизни и более обращен назад, к своему прошлому, к наследию предков, чем к современному обществу. Вася – единственный из детей, который видит сон о том, как его окружают бесчисленное количество оленей и

стремятся слизнуть с его протянутой руки соль. Этот сон играет явно благословляющую функцию, однако автор умалчивает, имеется ли в виду реальные олени, обладателем которых станет мальчик (а следовательно, и оленеводом, то есть продолжающим путь предков), или же это метафорическое изображение юкагиров, объединяющихся вокруг того внутреннего света, проводником которого становится герой.

Немаловажно, что Н. Курилов дает и свое объяснение тому, почему современные юкагирские дети отходят от национальной культуры. Читатель может увидеть это из диалога детей и Старика. Сеня жалуется гостю, что они, школьники, знают много «ругательных слов», потому что поневоле слышат их везде, особенно от пьяных людей. С Сеней соглашается и Ганя, говоря, что его собственный отец может сказать такие слова, от которых «у оленей рога опадают» [7. С. 9]. На что им с грустью отвечает Старик: «И что страшно, чем больше говоришь ругательные слова, тем меньше говоришь хорошие и добрые, и потом... чем больше ругательных слов в языке, тем беднее становится он... А потом этот язык исчезает, и народ тоже...» [7. С. 11]. В том, что молодое поколение не стремится изучать свое прошлое, виноваты не только внешние обстоятельства: сами юкагиры впустили в свой язык слишком много ненужного, опасного, вредного и поэтому могут передать своим детям слишком мало «хороших и добрых» понятий. Это равносильно самоуничтожению для народа, подарившему миру поговорку «Ребенок – корень жизни».

Большую роль в «Оленях на пальцах» играют легенды и народные предания, которые воплощаются в реальных героев в другой пьесе автора – «Нунни». Нунни – одно из ключевых для понимания юкагиров понятие, означающее переселение души умершего человека в новорожденного ребенка. Нунни, или нуннии, был крайне важным для этого северного народа, потому что не только давал детям ориентир в жизни, но и связывал их со своими предками, своим родом, иначе говоря, утверждал народ в собственной вечности. Действие пьесы перенесено в древнее легендарное время, когда люди и звери жили вместе и понимали друг друга. Стремление отыскать своих родственников, понять, кто чей нунни, связывает главных героев произведения – осиротевших медвежат и мальчика Уо. Отношения старшего из медведей, Хайи, и Уо отражают древнее предание, согласно которому медведь стал родоначальником юкагиров. Хайа, потерявший брата, начинает заботиться об одиноком мальчике, учит его жизни в тайге, почтению к духам и передает все свои знания. Однако Уо этого недостаточно, ему хочет понять, чей он, «двуногое существо в рыбьей одежде», нунни? Герой испытывает боль от мысли, что, возможно, он единственный такой не земле, не связанный ни с кем жизнью, а значит, оторванный от нее. Вместе с друзьями мальчик совершает опасное путешествие в Мир Недышащих, добраться до которого можно по тонкому льду лишь существу неоскверненному, с чистыми помыслами. Стремление Уо объяснимо, ведь по воззрению юкагиров, человек, не обретший и не познавший свой нунни, не может быть счастливым, миролюбивым или спокойным, он словно обречен на вечную суетливость [10. С. 61].

Однако встрече мальчика с родственниками не суждено сбыться: Уо решает взять с собой бубен предков, который ему отдал Песец. Надо отметить,

что Песец в данном произведении выступает в своей обычной для северной культуры роли хитрого, коварного и злобного существа, не случайно только он видит тени опасных людей с копьями, которые остаются незамеченными другими героями. Оскверненный нечистым животным, бубен не позволяет мальчику войти в Мир духов и воссоединиться со своим родом юкки. Но именно благодаря этому Уо познает важную мысль: «Все мы – единокровные» [7. С. 38]. Не так уж важно знать имя того, чей ты нунни, или видеть его своими глазами, гораздо важнее почувствовать единство со всеми жившими и живущими на земле.

Мотив обретения себя присутствует также в пьесе «Вера, Надежда, Любовь». В отличие от предыдущего произведения здесь события происходят уже в современном мире. Автор подробно описывает жизнь молодого студента из обеспеченной юкагирской семьи, однако это сложно в полной мере назвать «жизнью»: герою ничего не интересно, он изнывает от безделья и пытается заполнить все свое время выпивкой и встречами с людьми, которых даже не считает своими друзьями. Н. Курилов показывает также взаимоотношения студента со своими родителями, из многочисленных диалогов становится очевидно, что Слава не испытывает уважения ни к своему отцу, капитану милиции, ни к своей матери. Он привык лишь использовать их в своих нуждах, ведь связи отца помогают Славе избежать многочисленных административных и даже уголовных наказаний, а благодаря хлопотам матери он освобожден от каких-либо домашних обязанностей. Автор неслучайно останавливается на проблеме взаимоотношений молодого и старшего поколений, поскольку издревле дети, особенно сыновья, воспитывались у юкагиров как будущая поддержка и опора родителей. Отсюда происходят и многочисленные народные выражения и пословицы, например, родители часто говорили о ребенке «Мэтул лөлтей кедэдиэк», что дословно означает «За мной в старости ухаживающий человек». Поэтому одними из ключевых качеств, воспитываемых в детях, всегда оставались трудолюбие и почтение к старшим. Однако главному герою пьесы чуждо и то и другое. Показателен следующий разговор отца со Славой:

«Отец: Сын, нужно сходить и купить растительное масло, а?

Слава: Ну, папон: ты что – ехал и не купил?..

Отец: Ладно-ладно, сам пойду» [7. С. 89].

Герой, не испытывающий уважения к родителям, не считающий их в полной мере своими близкими людьми, отрывается от своих корней, лишается поддержки и опоры своей семьи, именно поэтому Слава чувствует себя одиноким и брошенным, оказавшись зимой в тайге. Он, потомок лесных жителей, ощущает себя совершенно чужим в открытой природе и не способен увидеть в ней нечто большее, чем ступок воплотившейся опасности. Однако именно здесь, в тайге, юноша не только преодолевает себя, но и обретает себя, свое истинное предназначение. Встреча с лесной юкагиркой заставляет Славу резко переосмыслить свою прошлую жизнь, а традиционность и внутренняя близость к природе девушки открывает ему дорогу к миру предков.

Н. Курилов умело демонстрирует развитие духовного пути героя с помощью хронотопа: узкие и душные пространства квартиры и лесного домика

символизирует нравственную ограниченность Славы, его неспособность выйти за рамки намеченного им образа жизни, и лишь таежные просторы, стесненные только линией горизонта, открывают в юноше глубокий и гармоничный мир забытого им народа. Изменения, произошедшие в герое, оказались настолько сильны, что Слава полностью порывает со своим прошлым и навсегда остается жить в тайге вместе со своей новой женой, юкагиркой. Но несмотря на такие резкие изменения, герою все-таки необходимо время, чтобы полностью исцелиться от своего прежнего уродливого состояния, возможно, именно поэтому воссоединение с родителями, уже потерявшими надежду вновь увидеть сына, произошло лишь спустя десять лет.

Пьесы юкагирского драматурга отражают не только современное состояние его народа, но и позволяют отыскать причины, которые повлияли на такое плачевное положение дел. Автор не снимает ответственности с самих юкагиров, позволяющих небрежно относиться к своим собственным традициям и языку, не уделяющих воспитанию детей должного внимания, однако инициаторами этих изменений стали совсем не народы Севера, а другие, более сильные и цивилизованные народы. Именно к ним обращена острополитическая пьеса-предостережение «На далеком Долоксе».

Действие происходит на вымышленной планете Долокс, жители которой разделены на три племени: мамонтоводов, ксанов и иканов. Последние – главенствующая нация, привилегии и статус которой имеют федеральное значение, в отличие от ксанов, в силу своей немногочисленности и технической неразвитости вынужденных состоять на службе у иканов. Особое положение в этой иерархии занимают мамонтоводы, древний и «примитивный» народ, с которым не считаются даже ксаны. Принцип управления в Долоксе очень простой, его выражают сразу несколько персонажей, однако ключевыми можно назвать слова Рвары о том, что следует помнить «о своей нации, в первую очередь, а затем уже о тех, которые помельче, если они не исчезнут к этому времени» [7. С. 72]. Ей вторят Школ: «...время кухарок и кочегаров давно прошло» [7. С. 72], и Ксанд: «...каким бы маленьким ты ни был службе – воруй» [7. С. 86]. На протяжении всей пьесы героиня-ксанка не только отказывается мамонтоводам в открытии собственных школ и языковых курсов, но и многократно урезают их бюджет даже на самые элементарные нужды, мотивируя это тем, что последние «и так находятся на грани исчезновения: не сегодня, так через года два–три спустя...» [7. С. 74]. Автор подробно описывает разнообразные бюрократические круги, через которые проводят самых активных мамонтоводов: ксаны заставляют десятки раз переписывать их заявления и прошения, чтобы в конечном итоге отказать, а средства перевести на свой личный счет.

Однако в конечном итоге это оборачивается катастрофой для ксанов, которых иканы, титульная нация, окончательно завоевывают и берут под свой тотальный контроль. В один момент нация, кичившаяся своей древней культурой, лишается не только свободы, но и средств к существованию. Показательно, что Ксанд, один из ярых сторонников жестокой политики, вынужден ночевать на улице, потому что на работу его не взяли даже мамонтоводы, ведь сами ксаны урезали им рабочие ставки. О мамонтоводах, которые, без-

условно, олицетворяют здесь юкагиров, автор говорит не так много, герои нечасто появляются на страницах пьесы, поэтому особо интересен конец драмы, в котором представители малочисленного народа высказывают свои мысли. В отличие от ксанов, они совершенно спокойно реагируют на резкую смену политических событий, ведь в их жизни подобного было немало, и даже в худшие дни они не перестают испытывать счастье, находить радость в мелочах и оставаться верными себе. Так, в заключительном разговоре с Ксандом мамонтовод Врил не только ободряет все потерявшего начальника, но и зовет к себе в гости.

«На далеком Долоксе» – произведение, в котором Н. Курилов ставит важный вопрос: до каких пор жив народ? И отвечает на него так: народ жив, пока живы его традиции и пока он чувствует себя единым целым. Именно этот мотив становится центральным в другом произведении автора – пьесе «Камень-память». Драматург вновь переносит читателя в иное хронологическое измерение: события происходят на северной земле во время междоусобных распрей племен. Текст имеет историческую основу, так как юкагиры издревле считались одним из самых воинственных племен Севера и вплоть до XVIII в. пребывали в постоянной борьбе с соседями: эвенками и чукчами [11. С. 25]. Противники юкагиров в пьесе обозначены как народ «чернолицых», которые, умело натравливая один род на другой, захватывают их в плен, делая своими рабами. Чернолицые хитры, коварны и бесщедны, они могут убить человека ради забавы, им доставляет удовольствие унижать других или издеваться над ними, однако при этом они остаются сильными и опасными воинами, победить которых не под силу героям-одиночкам. Пытаясь освободить свою землю от жестоких врагов, юкагиры вспоминают древнюю легенду о камне – символе смелых и свободных людей. Если его поднять, то народ вновь станет одним целым, соберется «как гроздья брусники» [7. С. 41]. Но, чтобы совершить это, героям придется пройти через потери близких, сумасшествие родных, утрату своего очага.

Сила единства рода, способная защитить даже от смерти, становится центральной темой для заключительной пьесы – «Зимняя рыбалка». Стоит отметить особый постмодернистский колорит произведения: начиная от введения интертекстуальных отсылок и заканчивая образами стильно одетых чертей с крюками вместо рук. Особое внимание заострено на внезапном слиянии временных пластов и смешении реальности с фантастикой. Эта пьеса демонстрирует не только авторскую открытость к новым сюжетам и литературным формам, но и тематическое постоянство Н. Курилова, ведь даже в экспериментальном формате он пытается осмыслить и понять самые важные для юкагирской литературы проблемы.

Заключение

Драматургия народов Севера требует к себе пристального внимания со стороны литературоведов, поскольку она ставит особняком вопросы, которые лишь на первый взгляд кажутся личными проблемами конкретного народа, – поднятые конфликты, перенесенные в разные временные и пространственные координаты, в самых разных художественных формах говорят о вечных об-

разах и проблемах. Примером тому служат пьесы юкагирского автора Н. Курилова, в которых продолжается развитие традиционных для национальной северной литературы тем нравственного обнищания народа, его места в мировой истории, возвращения к корням. Однако драматург предлагает свой, уникальный взгляд на решение сложных вопросов, более того, он уделяет внимание проблемам, не получившим ранее развития в юкагирской литературе. Так, в пьесах анализируются современные методы воспитания детей и роль этнического преемства в эпоху глобализации. Для воплощения своих идей Н. Курилов прибегает к многообразным художественным приемам и стилистическим способам, работает в различных жанрах. Все это позволяет определить драматургическому творчеству этого автора особое место в юкагирской литературе.

Список литературы

- [1] Жукова Л.Н. Религия юкаги́ров. Языческий пантеон. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. 92 с.
- [2] Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре: в 3 ч. Ч. 2: Мифологическая модель мира. Новосибирск: Наука, 2012. 384 с.
- [3] Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 144 с.
- [4] Одулок Т. Жизнь Имтеургина старшего. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1987. 432 с.
- [5] Иванов В.Х., Курилов Н.Н. Традиционные игры и состязания юкаги́ров. Якутск: Северовед, 1997. 22 с.
- [6] Курилов Н.Н. Лексика спортивных игр юкаги́ров тундры. Якутск: Изд-во СО РАН, 1999. 96 с.
- [7] Курилов Н.Н. Олени на пальцах: пьесы. Якутск: Бичик, 2007. 120 с.
- [8] Шадрин В.И. Трансформация этнической идентичности юкаги́ров в современных условиях // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 9–19.
- [9] Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900. 240 с.
- [10] Курилов Н.Н. Ребенок – корень жизни: этнопедагогика юкаги́ров тундры. Якутск: Офсет, 2005. 90 с.
- [11] Туголуков В.А. Кто вы, юкаги́ры? М.: Наука, 1979. 164 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 16 января 2020 г.

Дата принятия к печати: 30 января 2020 г.

Для цитирования:

Фролкина Д.И. Драматургия Н. Курилова в системе юкагирской литературы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 247–257. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-247-257>

Сведения об авторе:

Фролкина Дарья Ивановна, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-6284-4888>. E-mail: fdic@mail.ru

Dramaturgy of N. Kurilov in the Yukagir literature system

Daria I. Frolkina

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, bldg. 51, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. The article discusses the plays of the contemporary author N. Kurilov, which raise a number of problems characteristic of Yukagir literature. Poor knowledge of northern literature, the lack of full-fledged research based on materials of modern authors confirm the relevance of this work. The purpose of the article is to analyze the features of N. Kurilov's plays to determine their place in the Yukagir drama and to identify literary connections with the works of other Yukaghir authors. In his works N. Kurilov continues the traditions of G. Kurilov a children's writer and playwright as well as G. Dyachkov whose plays highlighted the social and moral problems of the Yukagirs. N. Kurilov considers these problems from a different angle, which is significantly manifested in the spatio-temporal characteristics and in the selection of folklore material. In addition, the author introduces a number of new questions that have not previously been heard in Yukagir drama, a special place in the works is occupied by children and children's education. The playwright thinks about the causes of the disappearance of the people, the gradual loss of language, traditions and religious beliefs. One of the features of the author's view is the idea that the destruction of an ethnic group occurs among other things through the fault of the Yukagirs themselves who have ceased to preserve their identity. However, the plays express not only bitter regret but also a bright hope for the revival of one of the most ancient Siberian cultures.

Keywords: Yukagir literature, literature of the indigenous peoples of the North, modern drama

References

- [1] Zhukova, L.N. (1996). *Religiya yukagirov. Yazycheskii panteon [Religion of the Yukagirs. Pagan pantheon]*. Yakutsk, Nauka Publ.
- [2] Zhukova, L.N. (2012). *Ocherki po yukagirskoi kul'ture [Essays on Yukagir Culture]*: in 3 parts. Part 2: Mifologicheskaya model' mira [Mythological model of the world]. Novosibirsk, Nauka Publ.
- [3] Alekseev, A.N. (1996). *Drevnyaya Yakutiya: Neolit i epokha bronzy [Ancient Yakutia: Neolithic and the Bronze Age]*. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ.
- [4] Odulok, T. (1987). *Zhizn Imteurgina starshego [The life of Imteurgin the Elder]*. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatelstvo.
- [5] Ivanov, V.Kh., & Kurilov, N.N. *Traditsionnye igry i sostyazaniya yukagirov [Traditional games and competitions of the Yukagirs]*. Yakutsk, Severoved Publ.
- [6] Kurilov, N.N. (1999). *Leksika sportivnykh igr yukagirov tundry [Vocabulary of sports games of the Yukagirs of the tundra]*. Yakutsk, SO RAN Publ.
- [7] Kurilov, N.N. (2007). *Oleni na pal'tsakh: P'esy [Deer on the fingers: Plays]*. Yakutsk, Bichik Publ.
- [8] Shadrin, V.I. (2014). Transformatsiya etnicheskoi identichnosti yukagirov v sovremennykh usloviyakh [Transformation of the ethnic identity of the Yukagirs in modern conditions]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Humanities and Social Sciences]*, (1), 9–19.
- [9] Iokhel'son, V.I. (1990). *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge [Materials on the study of the Yukagir language and folklore collected in the Kolyma district]*. Saint Petersburg.

- [10] Kurilov, N.N. (2005). *Rebenok – koren' zhizni: etnopedagogika yukagirov tundry* [*The child is the root of life: ethnopedagogy of the Yukagirs of the tundra*]. Yakutsk, Offset Publ.
- [11] Tugolukov, V.A. (1979). *Kto vy, yukagiry?* [*Who are you Yukagirs?*]. Moscow, Nauka Publ.

Article history:

Received: 16 January 2020

Revised: 20 January 2020

Accepted: 30 January 2020

For citation:

Frolkina, D.I. (2020). Dramaturgy of N. Kurilov in the Yukagir literature system. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 247–257. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-247-257>

Bio note:

Daria I. Frolkina, Ph.D. student of the Department of History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-6284-4888>. E-mail: fdic@mail.ru